

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

П.В. Агапов, канд. социол. наук, доц. кафедры социальной структуры и социальных процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ВОЙНА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ОПЫТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена исследованию войны в философской и научной традиции как сложного социального явления. Автор рассматриваются социально-исторические и социокультурные аспекты войны в контексте истории восточной (китайской) и европейской социальной мысли. В статье отмечается, что изменение взглядов на войну происходит со сложной трансформацией этого социального явления

Ключевые слова: философия и социология войны, война, структура войны, социальная и политическая агрессия, конфликт цивилизаций, философские, теоретические и методологические подходы, стратегия.

The article is devoted to the study of war in the philosophical and scientific tradition as a complex social phenomenon. The author considers the socio-historical and socio-cultural aspects of the war in the context of the history of the East (China) and the European social thought. The article notes that the change in attitudes to the war going on with the complex transformation of this social phenomenon.

Key words: philosophy and sociology of war, war, war structure, social and political aggression, conflict of civilizations, philosophical, theoretical and methodological approaches, strategies.

Война всегда была предметом интереса не только военных теоретиков и стратегов, но и социальных мыслителей. Война интересовала человеческий ум в том числе и как социальное явление. В современной социологической науке сложилось устойчивое предметное поле научного поиска — социология войны¹. Поэтому так важно обратиться к истории социальной мысли о войне.

В XXI в. опасность развязывания новой мировой тотальной войны (“войны всех против всех”) не снята с повестки дня. Войны были и остаются важнейшими историческими экзаменами на выживание и развитие для государств, народов, цивилизаций.

Научный анализ современных и будущих войн, их происхождения, сущности и многоаспектности имеет исключительно актуаль-

---

* Агапов Платон Валериевич, e-mail: platon-apv@mail.ru

¹ См.: Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1998; Добренков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI в. М., 2011; и др.

ное значение. О войне писали многие выдающиеся мыслители и деятели прошлого и настоящего². Их совокупными усилиями раскрыты сущность войны, соотношение войны и политики, войны и экономики, войны и культуры.

Классические концепции войны сложились в Древнем Китае в рамках классических школ философской и политической мысли. Это произошло в эпоху, традиционно именуемую временем Борющихся Царств. Она охватывает почти три столетия — с V по последнюю четверть III в. до н.э. Для Китая это было время раздробленности и сосуществования множества самостоятельных царств. Естественно, участились конфликты между правителями отдельных уделов, а самые могущественные царства вели постоянную борьбу за верховенство во всем Поднебесном мире. Все это дало толчок развитию военного дела и появлению зачатков военной теории.

Китайские правители и военные прекрасно понимали сущность и значение приемов и способов ведения войны. Однако только великий древнекитайский военный теоретик и полководец Сунь-Цзы дал полное и последовательное описание, а также подробный анализ приемов и способов ведения войны. Его “Трактат о военном искусстве”³, написанный около 400 г. до н.э., впервые в истории содержит сжатое, последовательное и систематизированное изложение факторов победы в войне. С содержанием “Трактата о военном искусстве” можно ознакомиться по работам Н.И. Конрада и В.В. Малявина⁴. Взгляды Сунь-Цзы на войну оказали принципиальное влияние на военное искусство не только Востока, но Запада⁵.

“Трактат о военном искусстве” начинается с определения места войны в жизни государства: “Война — это великое дело государства. Она есть причина жизни и смерти, путь существования и гибели, а потому относиться к ней нужно с великим тщанием”⁶.

В основу войны, по Сунь-Цзы, заложено пять явлений: первое — путь, второе — небо, третье — земля, четвертое — полководец, пятое — закон. Каждое из перечисленных явлений — символ в свою очередь какого-либо геополитического или военного явления: путь — это символ цивилизационного приоритета, небо — места в истории и исторической необходимости, земля — геополитиче-

---

² См. историко-научный обзор в кн.: *Требин М.П.* Войны XXI века. М.; Минск, 2005.

³ Полное название трактата “Сунь-Цзы бин фа”, что в точном переводе с китайского значит “Правила ведения войны мудреца Суня”.

⁴ См.: *Конрад Н.И.* Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М.; Л., 1950; Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М., 2002.

⁵ См.: *Лиддел-Гарт Б.* Энциклопедия военного искусства / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.; СПб., 2003.

⁶ Китайская военная стратегия. С. 118.

ского положения, полководец — системы управления, организации и пропаганды, закон — численности, технологии. Оценив эти пять явлений-факторов, можно предсказывать исход военной борьбы.

Каждый полководец должен досконально разбираться в этих пяти обстоятельствах военных действий. Только тот, кто их понимает, одержит победу⁷. Вот почему при составлении плана военных действий надлежит вникать в соотношение сил.

Сунь-Цзы считал, что тщательное планирование военных действий и точная информация о противнике являются ключом к достижению успеха. Главная задача военачальника, по его мнению, состояла в том, чтобы раскрыть истинный замысел действий и намерения врага, так как введение противника в заблуждение (“обмани”) представляет собой фундаментальный закон войны. Полководец должен скрывать расположение своих сил и держать втайне свои планы, уметь имитировать слабость. Его оружие — военная хитрость. Пусть враги думают, что он рядом, когда он далеко, и наоборот. Никаких лобовых ударов. Необходимо продемонстрировать ложную активность на одном участке, а наступать на другом. Длительная война ведет к большим потерям в живой силе и истощению финансов, поэтому необходимо стремиться к достижению быстрой и решительной победы над противником.

Мудрый стратег, с точки зрения древнекитайского мыслителя, должен ненавидеть войну и прибегать к военной силе только в случае крайней необходимости. Следовать этому правилу полагалось не из каких-то абстрактно-гуманистических соображений и тем более не из малодушия, а руководствуясь практическими целями: укрепления собственной власти, расширения возможностей и не в последнюю очередь — распространения добродетели в мире. Китайский стратег избегает открытого противоборства не потому, что считает войну “грязным делом”, а прежде всего потому, что всякая конфронтация непродуктивна, разрушительна для обеих сторон, поскольку в драке не бывает, да и не может быть, победителя. Китайский стратег выигрывает войну мирными средствами или, во всяком случае, одерживает победу без видимых усилий. Сунь-Цзы был теоретиком “стратегии непрямых действий”, которая в полной мере раскрылась сейчас, в эпоху информационных войн.

Перед нами не просто “военная доктрина”, имеющая лишь прикладное значение, а плод длительного вызревания цельного и очень последовательного мировоззрения, укорененного в многовековом опыте китайской цивилизации.

В китайской культуре войны стратегический аспект военного действия оказывается неотделим от морали и человеческой соци-

---

⁷ Там же.

альности в целом. Понимание военного конфликта не только как разрушительного, но и как созидательного является непреложной истиной войны, которая сама определяет правильный выбор спектра действия, формирует качество человеческих отношений.

Европейские классики военной теории (О. фон Клаузевиц и др.) видели в войне апофеоз разрушения, смертельное противоборство двух военных машин. Цель войны — уничтожение враждебного государства. Европейским военным теоретикам не хватало мудрости китайских стратегов, которые видели в войне не только разрушительное, но созидательно-конструктивное начало. Китайская военная мысль уделяет много места анализу человеческого, в частности духовного, фактора на войне, духовным началам самой войны, не ограничиваясь рамками сухой военной теории. Она была в действительности выражением глубочайшей, пронизывающей всю китайскую культуру жизненной ориентации именно на взаимное сосуществование людей, на развитие жизни в мире.

Теперь обратимся к западноевропейскому мировоззрению, к древним грекам, являющимся для нас первоисточником любой, не только философской, но и военной мысли. Древнегреческий философ-диалектик *Гераклит* (ок. 544 — ок. 483 до н.э.) рассматривал войну как своего рода космическое явление, всеобщий закон природы. Ее причины якобы лежат в истоках бытия вселенной, а сама война играет роль генератора всякого движения. Он утверждал, что “война — отец всего, мать всего”, “все возникает и разрушается через войну”, “бессмертные — смертны, смертные — бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают”⁸. Правда, отрывочность дошедших до нас высказываний Гераклита не позволяет точно установить толкование им термина “война”. В определенной степени этот термин может расцениваться как совпадающий с понятием борьбы вообще (“все происходит через борьбу и по необходимости”).

Аристотель (384–322 до н.э.) говорил об экономических причинах войн (по сути, об экономической и военной агрессии): “Военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива. Итак, один из видов искусства приобретения является по природе своей частью науки о домохозяйстве”⁹.

---

⁸ Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. С. 45.

⁹ *Аристотель*. Политика // Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 389.

В Римской империи восторжествовала точка зрения “естественной” враждебности людей друг к другу. Римскому философу Иосифу Плавту приписывается изречение: “*Homo homini lupus est*” (“Человек человеку волк”). Это изречение, подхваченное в XVI в. английским философом Томасом Гоббсом, до сих пор является словесным образом агрессивного мира, своеобразным знаменем множества учений, возлагающих ответственность за войну и агрессию на “волчьи законы” человеческой жизни, на агрессивную природу человека, на законы борьбы за выживание сильнейшего и т.д.

В Средние века толкование войны полностью монополизировала христианская церковь. Под ее лозунгами осуществлялось немало кровавых агрессивных акций: Крестовые походы европейских рыцарей, религиозные войны, связанные с реформацией католицизма. Встречалась и своеобразная апологетика военного насилия, например культ бога войны Одина. Аврелий Августин (354–430), один из Отцов церкви, признавал войну необходимым злом, без которого не может быть блага христианского мира и справедливости. Война есть продукт Божественного предопределения, от Бога исходит и истинная справедливость войны, ведущейся во имя веры, во имя христианства.

Эту концепцию развивал Фома Аквинский (1225–1274). Он считал, что война будет справедливой, если она порождена освященными церковью “законными причинами”, ведется “законной властью” и преследует “законные цели”¹⁰.

Одну из первых попыток системного анализа войны предпринял флорентийский теоретик и государственный деятель Никколо Макиавелли (1469–1527). Великий военный теоретик и политолог эпохи Возрождения считал конфликт универсальным и непрерывающимся состоянием общества ввиду порочной природы человека и стремления различных групп людей к постоянному и неограниченному материальному обогащению. По его мнению, свойства людей таковы, что они отдают предпочтение агрессивным военным решениям при столкновении с проблемами, возникающими в жизни человеческого общества. В целом война нужна для того, “чтобы обогатиться самим и сделать врага беднее. Ни для чего иного победа не нужна”¹¹.

Говоря о становлении теории сущности и происхождения войн в истории человечества, необходимо сказать о взглядах крупнейших представителей немецкой классической философии Иммануила Канта (1724–1804) и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831). И. Кант считал, что состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние. Последнее, наоборот,

¹⁰ Антология средневековой мысли: В 2 т. Т. 1. СПб., 2001.

¹¹ См.: *Макиавелли Н.* Соч. Т. I. М., 1934. С. 103–104, 105, 176, 193, 218.

есть состояние войны, т.е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянные угрозы. Следовательно, состояние мира должно быть сознательно установлено.

Г.В.Ф. Гегель предлагал осознать “высокое значение войны” и ее место в решении политико-правовых вопросов внутривосточной и внешнеполитической деятельности государств. Он подошел к пониманию войны как орудия политики: “войсками пользовались для достижения особых целей политики”¹².

Огромное влияние на формирование современных взглядов на сущность войны и военной агрессии оказал немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии Карл фон Клаузевиц (1780–1831). Его важнейшими достижениями стали определение политической природы войны, выяснение органической взаимосвязи вооруженной борьбы и политики. В предисловии к самой известной своей книге “О войне” он писал: “Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами”. Он акцентировал внимание именно на насильственных средствах военной агрессии. “Война, — отмечал К. Клаузевиц, — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю”¹³. В заголовке одного из параграфов своего труда он приводит и другое определение войны: “Война есть акт людских отношений”. И далее: “Война... относится к области общественной жизни. Война есть столкновение крупных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов”¹⁴. По мнению К. Клаузевица, на протяжении всей истории международные военные конфликты являлись не биологической неизбежностью, не отклонением от нормы в курсе той или иной державы или проявлением своенравности монарха, а закономерным развитием тех политических процессов, которые шли внутри государств и на мировой арене до перерастания их в военный конфликт.

Ценность исследований К. Клаузевица о войне состоит не только в том, что он дает ставшую уже *классической концепцию природы войны* и ее роли в исторической жизни народов. Он показывает механизм войны, дифференцирует ее типы и виды, вскрывая незначительную, хотя и не одинаковую роль всех институтов государства и общества, социальных групп, классов, элиты и народных масс в процессе исторических кризисов и катастроф, сопровождавшихся войнами. Заслугой К. Клаузевица является и то, что он выходит на проблемы современных войн. Он постоянно напоминает, что войны, как правило, ведутся с политическими, а не с военными целями и

¹² Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 8. Философия истории. М., 1935. С. 291.

¹³ Клаузевиц К. фон. О войне: В 2 т. Т. 1. М.; СПб., 2002. С. 11, 23.

¹⁴ Там же. С. 163.

приводятся в действие не столько физическими, сколько в первую очередь духовными силами. В то время как большинство военных специалистов и историков сосредоточивалось на осязаемых величинах стратегии, материальных факторах и ресурсах, К. Клаузевиц, по сути, исходил из единства мотиваций и ресурсов.

К. Клаузевиц своим трудом “О войне” стремился подготовить правителя к компетентному управлению страной (государством) и вооруженными силами в условиях войны, потому что мало поставить политическую цель войны, нужно еще знать средства, которыми должна быть достигнута эта цель. “Война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю. Это насилие использует изобретение искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же... физическое насилие является средством, а целью — навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишив его возможности сопротивляться.

Война исходит из общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ограничивается и измеряется”¹⁵.

И далее: “Война не только бывает настоящим хамелеоном, так как в каждом конкретном случае она несколько изменяет свою природу”¹⁶.

В то же время “хамелеон” войны одновременно является двуликим. Одно лицо войны обуславливает изменчивость и способность приспосабливаться к современному, другое — постоянство, которое и составляет в совокупности природу и сущность войны.

В своем трактате “Философия войны” другой исследователь, М. Ревон, еще дальше продвинулся в деле познания природы войны путем конкретных исторических обобщений. Особенно ценно указание автора на совершающееся в истории преобразование войны, метаморфозы ее сути и смысла, форм и содержания. Война, как доказывает М. Ревон, явление не сверхъестественное, а объективное, естественно-историческое. Поэтому эволюция человеческого знания может и должна “соответствовать действительному ходу вещей”.

“Война как *мировой закон* проявляется всюду, тысячами мощных столкновений разнузданных стихий, вечных агоний всего живого, борьбою добра и зла — *закон необходимости* и неизбежности, которую не может не признать здравый смысл отдельного человека”¹⁷.

Огромный вклад в исследование роли войны в жизни цивилизаций внес крупнейший английский историк и социальный философ Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975). Он рассматривал во-

---

¹⁵ Там же. Т. 1. С. 34–35.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Ревон М. Философия войны. СПб., 1897. С. 63.

просы войны с большой подробностью и широтой в главном труде своей жизни — двенадцатитомном “Постижении истории” (1934–1961), а также в составленной на основе первых шести томов этой работы книге “Война и цивилизация” (1950). Во всех этих работах проблема войны анализируется не сама по себе, а в контексте его социальной философии. А. Тойнби считает войну историческим явлением. Войны в его понимании “сопровождают нас с тех времен, когда первые цивилизации поднялись над уровнем примитивного человеческого бытия, а было это около пяти-шести тысяч лет назад”¹⁸. Вместе с тем А. Тойнби делает определенную уступку теории врожденной агрессивности человека, полагая, что институт войны является “социальным отражением темной стороны человеческой природы”¹⁹. Согласно А. Тойнби, война есть ориентированное и институционализированное свершение жестокого насилия. Во время войны человеческие существа сражаются и убивают друг друга по приказу публичной власти — правительств государств или импровизированных правительств в гражданских войнах. Как правило, расширение культурной ойкумены (населенной территории) зарождающихся и развивающихся классовых обществ в силу внутренних и внешних антагонизмов осуществлялось насильственными средствами. Правда, в эпоху становления и укрепления классового антагонистического общества объективно не существовало иного пути вовлечения неосвоенных территорий и первобытных племен в русло всемирно-исторического прогресса и цивилизации, нежели трагический и кровавый путь завоеваний и насилия. Рассматривая период роста локальных цивилизаций, А. Тойнби заключает, что завоевание соседних народов не является показателем роста.

А. Тойнби выявил тенденцию к возрастанию “злокачественности” войн по мере движения мировой истории. В предшествующих фазах истории государства часто находили возможным предаваться войне друг с другом с видимостью безнаказанности даже для потерпевшей поражение страны²⁰.

А. Тойнби считает общим местом утверждение о том, что импульс индустриализма увеличил ужасы войны. “Импульс демократии”, по его мнению, имел в этом отношении еще большее значение: «Демократия не просто не смогла сработать против войны, но в полном смысле слова вложила свою “двигательную силу” в войну и сделала еще больше, чем ее собрат индустриализм, превратив военные конфликты королей XVIII в. в чудовищную “тотальную войну”».

---

¹⁸ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сб. М., 2003. С. 280.

¹⁹ Там же. С. 281.

²⁰ *Toynbee A. War and civilization.* N.Y., 1950. P. VIII–IX.

Одним из первых А. Тойнби заговорил о столкновении цивилизаций. Он видел главное направление цивилизационного противостояния в конфликте между Западом, т.е. широко понимаемой европейской цивилизацией (включая США), и остальным миром. Цивилизационный экспансионизм Европы обернулся против нее самой: “В столкновении между миром и Западом, которое длится к нынешнему времени уже четыре или пять веков, именно Запад, а не остальной мир обрел наиболее значительный опыт. Не мир нанес удар Западу, а именно Запад нанес удар, и очень сильный, остальному миру, как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, и все остальные ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждой найдется свой пример западной агрессии”²¹. Столкновения между цивилизациями, неоднократно повторяет А. Тойнби, — наиболее вероятный путь, по которому может в будущем пойти человечество. Влияние Запада на остальной мир и ответные контрудары, контрвлияние других цивилизаций будут определять облик и перспективы мира уже в обозримом историческом будущем. А. Тойнби указывает основные линии, по которым будет проходить “разлом цивилизаций”.

А. Тойнби выходит на важнейшие военно-политические проблемы цивилизации. «Когда встречаются две и более цивилизаций, — писал он, — они должны отличаться между собою своими возможностями. Человеку по своей природе свойственно стремиться использовать всякую благоприятную возможность. А потому более мощная цивилизация скорее всего использует преимущества своего превосходства и делает это весьма агрессивно до тех пор, пока сохраняется восходящая траектория ее развития. Представители такой цивилизации, вторгаясь в чужой социум, зачастую склонны считать себя богоизбранными людьми, не такими, как все остальные, бессознательно третируя своих собратьев как неполноценных и низших.

Наименее бесчеловечный характер имеет поведение той агрессивной цивилизации, в культуре которой доминирует религия. В таком случае представители агрессивной цивилизации склонны считать своих слабейших партнеров религиозно ничтожными, различая себя и своих противников как “агнцев и козлищ”»²².

---

²¹ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 436.

²² *Toynbee A. Encounters between civilizations // Toynbee A. Selection from His Works. Oxford, 1978. P. 117–123; Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. М., 1999. С. 298–299.*

А. Тойнби усматривал в войне явление, сопутствующее надлому и распаду цивилизаций. Усложнение цивилизаций приводит к тому, что и война во все более усложняющихся формах и увеличивающихся масштабах поглощает все более значительные ресурсы общества. Поэтому А. Тойнби констатирует большую заостренность противоречивости развития “исторических народов” по сравнению с “доисторическими”.

А. Тойнби, безусловно, осуждает войну, усматривая в ней проявление моральной неспособности общества справиться со своими внутренними проблемами. Чем успешнее цивилизованные народы в лице своих государств развиваются в условиях мира, тем сильнее они саморазрушаются в период войны. По крайней мере, “дикари” и “варвары” не растрачивают на войну столько богатств, людских, материальных и духовных ресурсов.

Война как средство (одно из средств) политики есть не более чем функция государства и конфликт интересов, прежде всего в связи и по поводу государственной власти во всех ее проявлениях.

А. Тойнби признает огромную объективную роль войны, армий и полководцев на всех этапах развития цивилизаций, особенно кризисных. Он считает, что война не сводится к военному насилию, но является проявлением борьбы духовной и что всякая война отражает состояние цивилизации. А. Тойнби доказывает, что окончательная победа — пагубная иллюзия: в стратегии нет военных побед, а есть лишь успех политики, и по большому счету — успех исторический.

Согласно другому теоретику войн, Филиппу Куинси Райту (1890—1970)²³, цивилизация проходит четыре последовательные стадии развития: 1) героический период выдвижения нового социального идеала, 2) период потрясений и длительных войн, внутренних и внешних, 3) период стабильности и сплочения подчас в мировое государство-империю, 4) период усталости, упадка, потери веры²⁴.

На всех этапах истории цивилизаций в конфликтах их носителей присутствовали элементы религиозной, политической, экономической и социокультурной борьбы. Им соответствовали проповедь, пропаганда, конкуренция и насилие. Преобладание одного из этих начал не исключало значения всех остальных. И что особенно важно, любой из четырех типов внутри любого межцивилизационного противоборства был чреват обострением до уровня вооруженного конфликта, т.е. войны. Поэтому отнюдь не случайно военное ис-

---

²³ Ф.К. Райт — известный американский политолог, профессор Чикагского университета. Автор работ: *A study of war*. Chicago, 1942; *The study of international relations*. Appleton, 1955; *The role of international law in the elimination of war*. Oceana, 1961.

²⁴ *Wright Q. A study of war*. In 2 vol. Vol. 2. Chicago, 1942.

куство, хотя и подспудно и противоречиво, срасталось с геополитикой как мироустроением, регуляцией межгосударственных отношений. Степень зрелости цивилизаций К. Райт видит в уровне изощренности геополитики как стратегии выживания-и-развития, будь то научная теория или политическая практика. Типология “цивилизованных” войн как раз и приближает нас к выявлению характера и возможностей геополитики разных обществ в различные времена.

Войны, бесспорно, были и подчас остаются важнейшими историческими экзаменами на выживание и развитие для государств, народов, цивилизаций. Чтобы оценить в этом плане возможности конкретного общества, следует сначала выявить его *способность к ведению войны*. Хотя военная активность на четырех этапах развития цивилизации неодинакова (максимальна на втором этапе — в период политических потрясений, минимальна на третьем — социально-экономической стабилизации), она находила выражение в интенсивности военных действий, характере армии, операций и целей войны, обосновании правомерности вооруженного насилия. По мере развития цивилизации армии становились все многочисленнее и абсолютно, и относительно численности населения, войны становились все затратнее и приносили все больше издержек, их интенсивность возрастала, а средняя продолжительность падала. Охватывая все большие пространства, войны оставляли все меньше безопасных мест для гражданского населения. Поэтому возникала необходимость более четко отличать войну от мира и к тому же расценивать саму войну как явление все более аномальное.

Цивилизации разных типов отличаются степенью и характером своей воинственности. Воинственность находит выражение в кровавых религиозных ритуалах, жестоких видах спорта и зрелищах, агрессивности, выражающейся в частоте прибегания к войне, военной морали, проявляющейся в дисциплине армии и народа; в степени централизации власти и ее деспотичности.

К. Райт показывает²⁵, что воинственность конкретных народов объяснялась не какими-то их генетическими свойствами, а сложным комплексом конкретно-исторических обстоятельств — внутренних и внешних. Воинственность цивилизации обусловлена специфическим сочетанием социальных, политических, религиозных и военных институтов, это конкретно-историческая система средств и способов адаптации к не самым благоприятным условиям внешней среды. Это означает, что воинственность никак нельзя объяснять отдельными и частными причинами. Ее степень во многом зависит от привычки к жестокости, закрепленной кровавыми

---

²⁵ Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. С. 298–299.

ритуалами и играми, к частоте активных вторжений в ходе колониально-имперских или межгосударственных войн, силе политического деспотизма, территориальной и функциональной концентрации власти.

К. Райт вообще считает первичной функцией войны именно обеспечение стадильной преемственности в развитии цивилизации. Наряду с этим войны способствовали распространению одних культур за счет подавления, вытеснения, ассимиляции других. Совсем не случайно более широко и успешно распространялась, как правило, культура более воинственных цивилизаций. Напротив, внутри конкретных цивилизаций элементы культуры более успешно распространялись мирными средствами, а именно с помощью торговли, образования, усилий путешественников.

Роль войны внутри цивилизаций была иной. Как и в первобытном обществе, мобилизация для войны способствовала сплочению народа. Напротив, укреплению статус-кво внутри цивилизации войны, как выясняется, не способствовали: от них обычно больше и чаще выигрывали сторонники перемен. Вот почему сторонники статус-кво стремились прибегать к мирным средствам убеждения, пропаганды, экономического контроля. В процессе оформления цивилизаций одни средства заменялись другими. Так, если империи создавались военным путем, то стабилизировались и устраивались они мирными средствами.

“Цивилизованные” (“исторические”) войны велись и ведутся обычно на уровне духовном за абстрактные социальные символы религии, культуры и права, чем и объясняется столь высокая и неординарная роль “символического” насилия в войне. При этом в политике и стратегии цивилизованных народов способность вести войну (и вести ее вполне успешно) намного важнее для утверждения под “солнцем” мировой политики, чем конкретные победы в той или иной войне. Между тем войны тем и отличаются от более элементарных конфликтов, что ведутся за ценности, далеко превосходящие непосредственные интересы участников.

Изъян большинства цивилизаций и методов ведения ими “цивилизованных” войн состоит, по К. Райту, в том, что религиозные, политико-правовые, экономические взгляды эклектически соединялись в военных доктринах вместо выдвигания цельного учения о жизненно важных приоритетах, основных исторических интересах государств.

Важное отличие “цивилизованных войн” К. Райт видит в том, что они опирались на идеологию. Эта идеология воплощалась в виде представлений о праве войны и законах войны, которые отражались в военной доктрине. В этой доктрине религиозно-этические и экономические приоритеты цивилизации соединяются

с политико-правовыми приоритетами государства; те и другие используются для объяснения и оправдания войны. Военная доктрина двуедина. Ее первый компонент составляет сумма религиозно-этических и философских представлений о конкретных условиях допустимости войны — о праве на войну и о допустимых средствах ведения войны. Второй компонент военной доктрины регламентирует право конкретных лиц и социальных институтов на ведение войны; этим правом максимально ограничиваются рамки частных войн, им наделяются практически исключительно правители суверенных государств.

Как это ни странно на первый взгляд, подчеркивает К. Райт, излишняя воинственность конкретных цивилизаций указывает на их несоразмерно меньшую долговечность по сравнению с цивилизациями более миролюбивыми. Для последних война лишь крайнее средство, тогда как для первых — зачастую главное, если не самоцель политики. Не менее важен вывод К. Райта о том, что милитаризм парадоксальным образом, но неотвратно ведет к деградации военного искусства и боевого потенциала вооруженных сил, государства и общества в целом. Происходит это опять же из-за слабости концептуальной базы цивилизации, неумения правильно определить и взвесить ценностные приоритеты борьбы за историческое существование, правильно соизмерить их с наличными силами и возможными издержками предстоящей борьбы. От уровня развитости и совершенства самосознания в вопросах войны и мира в первую очередь зависит не просто ее долговечность, а сама способность ее исторического бытия.

Основная концепция К. Райта состоит в том, что от уровня и совершенства самосознания, от степени теоретической рефлексии цивилизации в вопросах войны и мира зависит не просто ее долговечность, а сама способность ее исторического бытия. Как мы убеждаемся, К. Райт во многом прав, хотя противопоставлять войну и культуру историческая объективность все же не позволяет. Ни один из правителей не был чужд культуры и мирного строительства в целом, ни один из них не делал однозначной ставки на голое насилие, хотя степень и характер сочетания мирных и военных начал были весьма различны, что столь драматично сказывалось на судьбах общества.

Войны не возникают спонтанно. Войны вызревают, как правило, долгие годы, десятилетиями, их готовят социально-экономические и политические силы, группы (партии), государства, заинтересованные в войнах. Рассматривая многообразие сторон военной агрессии, мы не должны оставлять “за бортом” рождение “идеи войны”, принятие соответствующих политических (агрессивных)

решений, конкретное содержание военной деятельности государства и общества, связанных с агрессией. Здесь важно распознать систему важнейших отношений, решений, действий государств, определенных социально-политических сил, ведущих к подрыву мира и вспышке войн.

К. Райт сформулировал содержание *социальной функции* войны: “Среди цивилизованных народов война служит как выживанию, так и разрушению государств и цивилизаций”²⁶. И далее: “Чем более продолжительной и разрушительной оказывалась война, тем больше изменений происходило после ее окончания”²⁷.

Русско-американский социолог П. Сорокин подверг критике как все существовавшие множественно-причинные (плюралистические) теории, так и монистические теории причин войны, попытался обосновать их полную непригодность как не отвечающих историческим фактам. В противовес им он выдвинул свою теорию. Совместно с американским ученым К. Райтом П. Сорокин определил индекс войн, т.е. зависимость их частоты, роста числа жертв (в процентном отношении к общему числу населения) от усиления несовместимости систем высших ценностей и норм поведения различных частей общества (классов, групп, партий и т.д.) или свойственных ряду обществ, соприкасающихся друг с другом. Имеются в виду экономические (ценность тех или иных форм хозяйствования), политические (выбор определенного государственно-политического устройства и характера власти), духовно-нравственные, правовые, религиозные, эстетические и другие системы высших ценностей (интересов).

Усиление несовместимости этих ценностей при сильном развитии личных, групповых и международных отношений, согласно взглядам П. Сорокина, неизбежно ведет к взрыву гражданских и внешних войн²⁸. Именно радикальные изменения высших ценностей в человеческом обществе обусловили то, что XX в. стал самым кровавым. В XXI в. устремленность к “абсолютной (тотальной) войне” трансформировалась в новую “приемлемую форму” (“холодная война”, дозированное применение вооруженной борьбы, более гибкое комбинирование вооруженной борьбы с экономической, политико-идеологической, подрывной тайной борьбой спецслужб и т.п.), в поиск новых средств и способов ведения принципиально иных, нежели прежде, войн — информационных, психологических, компьютерных и т.п.

²⁶ Wright Q. Op. cit. Vol. 2. P. 1288.

²⁷ Ibid. Vol. 1. Chicago, 1942. P. 128.

²⁸ См.: Сорокин П. Причины войны и условия мира // СОЦИС. 1993. № 12. С. 140–148.

Одним из наиболее авторитетных аналитиков современной войны является Мартин ван Кревельд (род. 1946)²⁹. В своей книге “Трансформация войны” он пишет: “Бесмысленно спрашивать, зачем люди едят или зачем они спят. Война в определенном смысле является не средством, а целью”. М. ван Кревельд предсказывал, что войны будущего будут, таким образом, не классическим “продолжением политики”, а *своеобразной формой существования человеческого общества*. Классические представления о “войне по Клаузевицу” состоят в том, что “игроками” в войне выступают народ, армия, правительство. По мнению М. ван Кревельда, сущность войны начала изменяться по мере того, как “отмирал” институт государства (“нации-государства”), а негосударственные структуры стали проявлять себя в качестве активных “игроков” на мировой арене. В конце XX в. в “игру” вступили новые “актеры агрессии” — политические и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и наркокартели. Вооруженные конфликты представляли собой уже не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия и агрессии³⁰.

Исходя из вышеизложенного можно дать определение новому пониманию термина “война”. *Война* — это вид социальной и политической агрессии, вооруженное и невооруженное нападение, организованная борьба между государствами или группами государств, классами, группами, нациями или народами. Война — это комплекс смертоносных и несмертоносных действий, предпринимаемых с целью подавления враждебной воли неприятеля или противника. Война может предприниматься группами или против групп, которые контролируются и спонсируются государством или не ассоциируют себя с государством. Но в любом случае война является враждебной деятельностью, направленной против неприятеля или врага. Цель войны не обязательно заключается в уничтожении противника. Цель войны заключается всего лишь в покорении (подчинении) противника. Противник покорен, когда его поведение совпадает с тем представлением, которое агрессор имеет в отношении поведения противника.

Современную войну могут вести как вооруженные силы государства, так и любые иные социальные группы, организации, структуры (этнические кланы, партизаны-повстанцы, банды, террористы и т.д.). Современные войны происходят непосредственно от

---

²⁹ М. ван Кревельд — известный профессор Иерусалимского университета, автор более 20 работ о войне (“Обеспечение войны” (Supplying war (1977)); “Технология войны” (Technology of war (1989)) и др.)

³⁰ *Crevelde M. van. Transformation of warfare. N.Y., 1991; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства / Под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. М., 2006.*

агрессивности государств, обществ, социальных групп, правителей³¹. Военная агрессия есть тип поведения, свойств, отношений, которые выражаются в стремлении захватывать чужие территории и богатства, подчинять другие страны и народы, в нападениях на них, в совершении насилия, в давлении и угрозах и т.п.

Таким образом, война в современном ее понимании — это сложное социально-политическое явление, вид конфронтационной политики, представляющей собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, нациями, классами и социальными группами средствами военного и паравоенного (невоенного) насилия. Война влияет на все сферы общественной жизни, судьбы государств и цивилизации. Она выступает продолжением политики иными средствами (Клаузевиц). В свою очередь, современную политику можно обозначить как продолжение войны всеми возможными средствами. Современная война может и не включать в качестве обязательного признака применение *военной силы*. В постиндустриальном, информационном обществе война будет вестись не столько на сухопутных и морских театрах военных действий, сколько на культурном уровне, в сознании людей. Она связана с проблемами влияния одного разума на другой. А это остается важнейшим фактором в истории, в ходе борьбы народов за свое собственное существование и развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антология средневековой мысли: В 2 т. Т. 1. СПб., 2001. (*Antologija srednevekovoj mysli: V 2 t. T. 1. SPb., 2001.*)

Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. (*Aristotel'. Politika // Soch.: V 4 t. T. 4. M., 1983.*)

Военный энциклопедический словарь. М., 1986. (*Voennyj jenciklopedičeskij slovar'. M., 1986.*)

Добренко В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI в. М., 2011. (*Dobren'kov V.I., Agarov P.V. Vojna i bezopasnost' Rossii v XXI v. M., 2011.*)

Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 8. Философия истории. М., 1935. (*Gegel' G.V.F. Soch. T. 8. Filosofija istorii. M., 1935.*)

Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малавина. М., 2002. (*Kitajskaja voennaja strategija / Sost., per., vstup. st. i komment. V.V. Maljavina. M., 2002.*)

Клаузевиц К. фон. О войне: В 2 т. М.; СПб., 2002. (*Klauzevic K. fon. O vojne: V 2 t. M.; SPb., 2002.*)

---

³¹ Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 151; Агрессивность — в той или иной мере — свойственна всем американским лидерам // Казинцев А. На что мы променяли СССР? М., 2004. С. 209.

Конрад Н.И. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М.; Л., 1950. (*Konrad N.I. Sun'-Czy. Traktat o voennom iskusstve. M.; L., 1950.*)

Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства / Под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. М., 2006. (*Krevel'd M. van. Rascvet i upadok gosudarstva / Pod red. Ju. Kuznecova, A. Makeeva. M., 2006.*)

Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.; СПб., 2003. (*Liddel-Gart B. Jenciklopedija voennogo iskusstva / Sost. S. Pereslegin, R. Ismailov. M.; SPb., 2003.*)

Макиавелли Н. Соч. Т. I. М., 1934. (*Machiavelli N. Soch. T. I. M., 1934.*)

Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. (*Materialisty Drevnej Grecii: Sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Jepikura. M., 1955.*)

Ревон М. Философия войны. СПб., 1897. (*Revon M. Filosofija vojny. SPb., 1897.*)

Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1998. (*Serebrjannikov V.V. Sociologija vojny. M., 1998.*)

Сорокин П. Причины войны и условия мира // СОЦИС. 1993. № 12. (*Sorokin P. Prichiny vojny i uslovija mira // SOCIS. 1993. N 12.*)

Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. М., 1999. (*Sravnitel'noe izuchenie civilizacij: Hrestomatija / Sost., red. i vstup. st. B.S. Erasova. M., 1999.*)

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сб. М., 2003. (*Tojnbj A. Dzh. Civilizacija pered sudom istorii: Sb. M., 2003.*)

Требин М.П. Войны XXI века. М.; Минск, 2005. (*Trebin M.P. Vojny XXI veka. M.; Minsk, 2005.*)

Crevel'd M. van. Transformation of warfare. N.Y., 1991.

Toynbee A. War and civilization. N.Y., 1950.

Toynbee A. Encounters between civilizations // Toynbee A. Selection from His Works. Oxford, 1978.

Wright Q. A study of war. Chicago, 1942.